

РОБЕРТ КУРГАНОВ

12+

АНОМАЛИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ИЗ ЦИКЛА "ЯДЕРНАЯ ЗИМА"

Роберт Курганов

Аномалия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67854165

SelfPub; 2022

Аннотация

Жестокий и опасный мир сковал Землю, пережившую Великую войну, и Ядерная зима теперь владелица всего сущего. И что страшнее в ней: враждебный климат, звери, утратившие страх человека, или сами люди? А ведь есть еще и аномалии... Не приближайся к ним, если хочешь жить, а попадешься... захочешь ли уйти? На Земле Рай невозможен! На Земле Рай неизбежен...

Роберт Курганов

Аномалия

В Пригорске не было гор, его окружали лишь пустынные холмы, слипшиеся снежными завалами. В середине этого бугристого блюдца лежал Пригорск. Покинутые и облупившиеся его домишки обреченно вязли в кривых сугробах. Целый город мертвых жилищ с тревожащими тайнами в пустых дверных проемах. Ближе к центру – клетчатые, бледно-желтушные пустые пятиэтажки, в середине – единственная «десятка», как маяк, видная отовсюду. С высоты ее верхушки городок походил на горсть мусора, беспорядочно разбросанную взрывом и присыпанную грязным снежным пеплом.

Пригорск – место насквозь продуваемое, неудобное, голодное и промерзшее до кристальной морозной хрупкости. В разгар Ядерной зимы выживать здесь было нечем, да и теплых подземок не имелось. А без них в вечном морозе не жить ни зверью, ни человеку.

Иногда, впрочем, в Пригорске появлялись люди, но не жильцы, сгинувшие и потребленные суровой природой давным-давно. Теперь здесь хозяйничали только добытки, которые хищными муравьиными отрядами растаскивали на пожитки осколочки вмерзшего в землю великого прошлого, казавшегося когда-то обыкновенным настоящим.

– Жирное местечко! – плотоядно оскалился Пришлый. – Здесь много всего. Столько всего... Может даже еда! Док, здесь может быть еда. А мы хлама набрали... Всякого хлама!

– Это не хлам, – буркнул в ответ Доктор, со скрипом привинчивая к санкам очередной кусок жести. – Это электроактивные металлы.

Он с усилием стянул трофеи медной проволокой, одышливо запыхтел и уселся передохнуть на поваленное ветрами дерево, торчащее из-под снега седой шероховатой бочиной.

Док промышлял хабаром не первый год и хорошенько разбирался в том, что в заброшках хлам, а что ценно. Шутили, что Доктор – живое привидение Пригорска, ибо никто не знал этого городка так хорошо. Наряженный в бесформенный маскировочный комбинезон, скроенный из некогда белых простыней, он был похож на большого усталого снеговика с седеющей заиндевелой бородой. В подземках мужики стареют рано: сорок шесть – а силы уже нет, как говорят, вся в бороду ушла. Один дух. Но, зато крепкий, как старый коньяк в уцелевшем погребе.

Ходил Доктор всегда с командой, которую собирал из посельчан, желающих подзаработать. На сей раз на вылазку согласился Пришлый из безработной братии, да из молодых вызвался парнишка Димка. Из тех, что о довоенном имели в памяти только первую половину детства, но зато живущих в новом мире естественнее и увереннее.

Димка пристроился на бревно чуть ниже Доктора. Приш-

лый уселся на корточках напротив них и прислонился спиной к линялой стенке здания, во внутреннем дворике которого они притаились для передышки.

– И что? – он все время улыбался, но как-то недобро и неестественно, по-собачьи. – Будете электричество высекать? Из металлов... Трением высекать?

Димка усмехнулся – даже он, двадцатилетнее дитя подземок, знал, как это работает:

– Медь и цинк мы превратим в батарейки, – ответил он за Доктора и отшутился: – Ионы-позитроны... Электролитическая диссоциация, говоря простонародно.

Доктор коротко взглянул на Пришлого из-под светлых бровей, чтобы оценить серьезность любопытства. Но глуповатое выражение лица Пришлого, его вечная неровная улыбка, насмешливая и недоверчивая, остановили зародившуюся в сознании Доктора краткую лекцию по физике:

– Пришлый... – Доктор грустно вздохнул и с учительской строгостью оглядел собеседника: – Если хочешь, можешь остаться и похабарить, но тогда ты сам по себе. И платы не будет.

– А я что? – Пришлый все скалился и шурился, будто ему в глаза светили фонариком, нервно переминался, любопытно и тревожно озирался, осматривался. – Я согласен. Электрические диссциации.

Пришлый – сухощавенький юркий мужичок из беженцев, наполнивших Поселок после падения Столицы. Изгнанный

из рая, из мороженых теперь, но прекрасных и сытых когда-то, столичных теплиц, переселенец поневоле. С искаженным лицом, скованным спазмами, с глубокими морщинами поперек переносицы, незакрывающимся скалящимся ртом и хитро сощуренными мышинными глазками. И не находящий покоя своему подвижному телу. По мнению Доктора, невротик с множеством синдромов. Впрочем, Доктор – это только прозвище.

– А что было в этом здании, Сергей Михалыч? – спросил Димка, осматривая приютившее их п-образное здание.

– В этом здании... – со вздохом повторил Доктор и оглядел лущенные, некогда крашенные стены. Теперь они покрылись пятнами, похожими на таинственную карту потерянных навсегда материков. – Здесь была моя школа. Я был учителем истории, а моя жена – учителем литературы. Сейчас я уже стал забывать ее лицо... На втором, вон, напротив того окна, был мой кабинет.

Димка всмотрелся в окна. Добытчики не любили эту двухэтажку за внезапный скрип дверей второго этажа, пугающий из темных оконных дыр и за внимательные слуховые окна жестяной крыши. Да и форма здания тревожила их узостью обзора. Всех, кроме Доктора.

– А теперь ты Доктор! – оскалился Пришлый и прислушался к тишине школьных коридоров.

– Теперь все по-другому... – неопределенно ответил Сергей Михалыч. Он задумчиво рассматривал пятнистое небо,

грязнеющее вечерними тенями. Внезапно его лицо вздрогнуло испугом, он пригнулся, соскочил с бревна и метнулся к Пришлому, к стене, жестом увлекая и Димку.

Тот с прыжка вжался в стенку, озираясь, поглядывая на Доктора и пытаясь понять откуда ждать опасности.

– На «десятке», – пояснил Доктор тихим полусшепотом пока копошился в рюкзаке в поисках бинокля. – Я видел движение на десятом этаже.

Он торопливо накрылся куском белой тряпки, которой предстояло маскировать поклажу санок, и Димка с ловкостью скульптора распределил ее так, чтоб выглядывал только бинокль. Доктор плавно высунулся из-за угла здания.

– Ну что, Док? – занервничал Пришлый и засуетился под руку. – Чего видно? Кто там? Чего видишь?

Скалясь и часто моргая, он то всматривался в напряженный угол здания, из-за которого угрожала опасность, то озираясь на темные окна, выискивая путь для отхода.

– Кто-то стоит на балконе десятиэтажки с биноклем, – глухо пробубнил из-под простыни Доктор. – Двое... Трое... Снайпер... Смотрит на меня!

Доктор сжался, отшатнулся назад, едва не свалившись на спину, но, подхваченный Димкой, быстро вскочил. Все они молча бросились снаряжаться: белые накидки, белые рукавицы, белые маски. Забелили и поклажу на санках.

– Сейчас за школой, – тихо обрисовал план побега Доктор. – Дальше спустимся в низинку, там за переулком овраг,

по нему выйдем к железнодорожной насыпи, и под ней на окраину города.

– А кто был? – вырвалось у Пришлого, но Доктор уже потянул лямку, со скользким скрежетом пробираясь вдоль школьной стены. За ним впряглись и остальные, каждый в свою упряжь.

У угла школы задержались, по-звериному наблюдательно оглядели окружающие скелеты домов, цепляясь взглядами за трещины в стенах, издали похожие на таких же отчаянных и испуганных людей, готовых ко всему. Прислушались к звукам города, порождаемым вездесущими сквозняками: похлопывания сорвавшихся с петель ставен, настороженные скрипы грубо взломанных дверей, хрустальный звон провисших обледеневших проводов. Жуткая живая тишина, город все так же и мертв.

– Док, – Пришлый жадно перехватил взгляд Доктора. – Так, а кто там? Кто был?

– Мародеры. Работоторговцы, – ответил Доктор и тронулся в путь.

Под прикрытием школьного здания спустились в проулок, теснящийся в пологой низине. По окна засыпанные снегом частные домишки выглядели маленькими, будто Пригорск – город карликов, а добытчики – злые великаны, растаскивающие чужие сокровища. И переулки городка сопротивлялись, как могли: запутывали дорогу, беспорядочно, с давно потерянной логикой, соединялись, изворачивались, ломались

под разными углами. И только Доктор из них троих знал дорогу наверняка. Возможно, он знал каждый домик, каждую калитку, торчащую из-под снега зубастой верхушкой штакетника.

За город вышли быстро – страх подгонял. Попастся в рабы – хуже голодной смерти, хуже морозной пытки, ибо участь такого бедолаги страшнее и отчаяннее.

У последнего домика остановились, озираясь, вслушались в шипящую, почти безветренную тишину – никого. Хижину занесло выше окон, потому они просто вошли в ее чердак через пролом в крыше, как в раскрытую дверь, и разместились на печном боровке напротив дыры в кровле. Пахло чердачной пылью и потухшей печкой.

– Скоро стемнеет, – Пришлый тревожно озирался. – Темно будет. Пойдем в степь? За ночь не дойти, Док.

– Обратной дороги нет, – ответил Доктор, пялясь в серую рябь сквозь бинокль и выискивая возможных преследователей. – Дойдем до шахты и там заночуем. На “десятке” больше никого нет, и кто знает, заметили они нас или нет.

– Может, лучше через Змеиное озеро к рыбакам на водохранилище? – предложил Димка. – Даже, если они за нами погонятся, к рыбакам не сунутся. Мародеры не пойдут против торгашей.

Мародеры действительно не дерзнули бы выступить против торговцев – особой полукриминальной касты. Только сунься, и ни один человек в кластере не купит у тебя ниче-

го и тебе не продаст. А водохранилище, его рыбная добыча, хотя и считалось промыслом поселковой администрации, а крышевалась местным торгашом. Вот только озеро – это не водохранилище.

– Может быть... – ответил Доктор. – Но никто не ходит по Змеиному: там столб. Если вы к этому готовы...

Димка задумался. О Змеином озере и впрямь говорили всякое.

– Что за столб? – усмехнулся Пришлый. – Я столбов не боюсь. А что столбы?

– Аномалия такая. А может и не аномалия, хрен разберешь, – пояснил Доктор и встал. – Выдвигаемся. Пойдем по озеру, раз вы не боитесь.

Они впряглись в санки и заскользили вдоль железнодорожной насыпи, которая, хотя и оплыла снегом, а все еще служила хорошим ориентиром и выпуклой вздувшейся венной тянулась далеко на юг, к заброшенной угольной шахте. А там – дачные сады, офицерский городок, и вот он, родной теперь Поселок – сырой и теплый подземный склеп, вместимостью в несколько тысяч койкомест.

Вырвавшись из промзоны Пригорска в плоскую сизую степнину, они замедлились, разбирая путь в быстро потухающих сумерках, и, наконец, остановились у железнодорожного переезда. Бросив санки снаружи, вошли в пропитанную запахом машинного масла будку путейцев, которая давно служила добытчикам временкой.

– Немного передохнем перед выходом на озеро, – глухо озвучил очевидное Доктор. Он сбросил рюкзак, уселся на пол в углу и включил желтоватую светодиодную “свечу”. Свет упал на грязно-рыжие стены, из-за чего темнота вокруг фонарика стала коричневой и такой же затхлой и грязной, как и вся эта засаленная каморка. – Отсюда свернем к Змеиному. Поэтому, советую вам успокоиться, отрешиться, я бы сказал. Все озеро – место обитания аномалии.

– Столба, что ли? – тихонько хихикнул Пришлый, стоящий поодаль, в полумраке. Он повернулся лицом к свету и заговорчески подмигнул Димке, ища в нем союзника. – Это столб такой? Электрический что ли? Он током бьется что ль?

Доктор вздохнул и глянул искоса на Димку. Тот не улыбался шуткам Пришлого, но не потому, что верил Доктору, а так, из деликатности.

Димка тоже снял и бросил на пол вещмешок, уселся на него рядом с Михалычем и “свечой”, как усаживаются у костра. Рои пылинок устремились к лучу фонарика, наполняя воздух кисловатой сажей и дегтем.

– Михалыч, – высказался он аккуратным полушопотом. – Аномалии... Это разве не мифы? Я слышал, что это такие страшилки охотников и добытчиков, чтобы придать себе значимости. Так говорят.

Михалыч кивнул несколько раз как автомобильный болванчик, как кивают люди, над которыми подтрунивают глупо и неуместно:

– Я бывал здесь много раз, – он внезапно вспыхнул, взволнованно раздирая удушливый ворот и повышая тихую хрипоту до возбужденного негромкого голоса. – Сказать, что я это видел – ничего не сказать. Я много раз сталкивался с аномалией, еще когда Призрак охотился за ней!

– Аномалии, столбы, призраки, – Пришлый отвернулся в темноту, приоткрыл дверь, выглянул на улицу и прислушался:

– Кажись, никого, – заключил он и прибавил сквозь недобрый оскал: – Хотя нет, столб кажись следит за нами.

Он ехидно и чуть слышно рассмеялся, привлекая к себе внимание активной жестикуляцией и похлопывая себя по коленкам. Но Димка заинтересовался:

– А что за Призрак? – он тоже расстегнул верхнюю пуговицу и раздвинул складки шерстяного шарфа.

– Был у нас такой. Это прозвище он получил только потом, задним числом, когда выяснилось, что нет ни одного человека в поселке, кто помнил бы его с самого начала. – объяснил Док. – Сам же он называл себя Искателем.

– И что он искал?

– Аномалию эту. Говорили, что через нее можно вылететь от чего угодно. А у него лицо было так изморожено. – Доктор поводил рукой по своему лицу. – Страшный он был. Ну а тут, появилась у него женщина, полюбила его таким. В общем, для нее старался.

– Ну и как? – хихикнул Пришлый, и его насмешливое ли-

цо вновь показалось из темноты. – Нашел? Аномалию нашел? Приложился к столбу? Рожей-то приложился?

– Нашел, – ответил Доктор со шумным вздохом, стараясь не обращать внимания на издевки. – Но оказалось, что это не сказочный исполнитель желаний, вроде волшебной палочки. А нечто иное... Он часто стал ходить на озеро, пропадал там неделями. Ему стало сильно везти в охоте, другого такого охотника я и не знал. Но он, как бы, выпал из реальности – тянуло его туда все время. Он стал отдаляться от людей, перестал следить за собой, мог съесть любую гадость, на оскорбления не обращал внимания. Вообще внимания на людей не обращал. Стал иным человеком. Заговорили о контроле разума этой аномалией, что поглощает она людей, душами, вроде, питается.

С крыши каморки послышался шорох и что-то грузное двинулось вдоль кровли. Пришлый испуганно отскочил от двери и уткнулся лицом в смотровую щель, оставленную между досок в заколоченном окне. Но из-за света фонарика она казалась непроницаемо черной и будто сама теперь следила за людьми длинной темной глазницей.

Доктор погасил фонарик, и они вслушались в ожившую темноту, уставившись в черный потолок. Невнятный шорох повторился вновь. Доктор беззвучно поднялся, достал копьё и мягко подкрался ближе к хлипкой входной двери. Пришлый вжался в стену за его спиной, вытащил нож и принялся нервно перекидывать его из одной руки в другую. Шелест

повторился, и нечто снова двинулось по крыше, доползло до ее края и напряженно замолчало. Оно тоже прислушивалось.

Димка выглянул в посиневшую оконную щель – темно, только матовые, фиолетовые сумерки. Он протянул руку к входной двери и скрипко ее приоткрыл. Двое других молча и бесшумно замотали головами – нет, мол, не открывай! Но в темноте он их не видел.

Нечто грузное вновь осторожно оживилось, вздохнуло, прогудело по крыше и громко спрыгнуло на снег. Димка не выдержал, раскрыл дверь пинком, выскочил на улицу, щелкнув налобным тускленьким фонариком и, туго натянув тетиву лука, с воплем бросился к противнику.

Михалыч, сжавшись, пригнувшись и выставя короткое отточенное копьё в два шага выпрыгнул за ним, крутнулся влево, вправо, готовый и к нападению, и к защите.

Но вокруг домика, пнем торчащего в вечерней фиолетово-белесой пустоте, никого не оказалось.

– Никого... – с надеждой предположил Док и уставился на бесформенную кучу снежного фарша, громоздящуюся под окном. – Снег с крыши съехал?

– Никого? Там никого? – дрогнул из темноты каморки Пришлый. – Кто там? Никого? Снег? Кто там?

Димка обежал домик, мутновато-желтым пучком своего фонаря внимательно вглядываясь в отметины на снегу.

– Вроде все следы старые, – он подошел к куче, пнул ее ногой, поднял голову с фонариком и рассмотрел крышу: –

Шифер мокрый и скользкий. Вот снег и соскользнул!

– Ну дела, ё-мое! – облегченно рассмеялся Доктор, привычно схватившись за сердце. – Снега испугались! Ё-мое! Как мыши! А ты молодец, не испугался!

– Еще как испугался! – весело смеясь, признался Димка. – Только, я когда боюсь, всегда иду в это место, чтоб не бояться. Даже, если это что-то ужасное, например... снег!

И они так расхохотались, что даже далекое морозное эхо откликнулось им из синюшной темноты. Мелочно и тонко обостряя звуки, приближалась ночь.

– А я такой – “ха!” – оживился Пришлый и, возбужденно размахивая руками, выбежал из домика. – Ножичек – раз, такой! Всех почикаю!

Михалыч, проглатывая и подавляя смех, перевел шутки в дело:

– Но, будь осторожнее, не нарывайся! – по-отечески добродушно пожурил он Димку и тяжело выдохнул. – Ху-ух!

– А я! А я?! Раз, такой! Тоже! – повторился Пришлый, и замер: где-то рядом раздался надрывный волчий вой.

– Совсем близко! – встревожился Доктор. – Услышали нас! К охоте воют!

Добытки метнулись было обратно в темноту каморки, но Доктор вскрикнул хриплым от волнения голосом:

– Тихо! – путники остановились и прислушались: со стороны города в вечернее безветрие плавно вплетался глухой рокот мотора. – Снегоход! Мародеры! Идут по следу!

– Мародеры! – повторил Пришлый сиплым шепотом. – Я не хочу! Я знаю! Я не хочу...

– Мы поборемся! – решительно обнадежил его Док. – Успеем дойти до водохранилища, туда могут и не сунуться. Идем строго на юго-запад. Главное, добраться до катера, там и укроемся!

Они схватили ляжки, двинулись по скользкому насту и вскоре вышли на плоскую ледяную равнину, под мертвой плитой которой покоились воды озера.

Пришлый, преодолевая тяготу, поравнялся с Доктором:

– Не догонят? Мародеры... Не догонят нас?

– Не знаю, – Коротко буркнул Доктор и, захлебываясь собственным паром добавил: – Мы уже... На озере... Могут побоятся...

Успокоенный Пришлый отстал в сумерки, но тут же вновь нагнал Доктора, хрипко звеня полозьями санок о неровности льда:

– И чего? Призрак тот... чего он? – спросил он уже без ехидства. – Сошел? С ума сошел что ль от аномалий? На озере этом...

– Вроде того, – задыхаясь от быстрой ходьбы, ответил Доктор. – Он совсем опустился... потерял всякий... вкус к жизни... Но однажды он сказал... Он понял... Как все это... Работает.

– Сошел, значит, – услышал, что хотел, Пришлый и опять отстал, пойдя вторым и вытеснив Димку в конец ко-

лонны.

Так шли они без отдыха и разговоров, быстро, как могли, будто в бесконечном мрачном сне, в котором не видно ни начала, ни конца, а все, что нужно, это быстро идти. Только плоское небо и плоский лед, плоский, быстро темнеющий мир без деталей, которые при ходьбе обыкновенно мелькают мимо и позволяют осознавать собственное движение.

Наконец, и Димка, обойдя Пришлого, приблизился к Доктору:

– Михалыч, по-моему за нами идут.

Они остановились и всмотрелись в сумерки – серый снег соединялся вдали с серым небом, и в этой дали почти бездвижная рябь жила. И только в периферии зрения ощущалось ее движение, неприметное для прямого взгляда.

– Кто-то есть... – ответил Доктор. – Идем быстрее, скоро катер, там их и встретим.

Они ускорились как смогли: страх придавал сил.

Димка, идущий последним, то и дело оборачивался, всматривался в сумеречное пространство, отставал и вновь нагонял товарищей. Наконец он ускорился и опять сравнялся с Доктором:

– Они стали ближе, – буркнул он тревожно и тихо, будто боясь, что преследователи его услышат.

Доктор остановился, и Пришлый упал, наткнувшись на его санки, но тут же поднялся и вместе со всеми всмотрелся в вибрирующие, на глазах густеющие сумерки – нечто дей-

ствительно шло по их следу. Теперь это было явное черное бесформенное пятно, постоянно меняющее свои очертания.

– Еще быстрее! Уже рядом! – скомандовал Доктор, и они побежали, то и дело оборачиваясь. Пятно уменьшилось, но быстро вновь разраслось, расширилось, увеличившись даже больше прежнего, распадаясь на части и вновь сливаясь в целое.

– Волки! – уже не таясь выкрикнул Димка. – Это волки!

Теперь и смутные подозрения слились в нечто объемное и конкретное – волки.

– Быстрее! – прорычал Док и бросился бежать. – Санки... не бросать!

Пришлый с Димкой ринулись за ним, в миг обогнали, не разбирая пути в темноте и толкаясь друг о друга. Доктор же отстал, как ни старался вложить в ноги все силы – воздуху не хватало.

– Правее! – выкрикнул он прытким товарищам выверенное по компасу направление. – Вправо бери!

Вскоре они исчезли из виду. Но Доктор не остался один: за спиной послышался короткий волчий рык – догнали! Доктор и сам едва не зарычал от усилия, но на всем бегу поскользнулся, упал, остановленный лямкой, больно врезавшейся в плечо, спешно вскочил, развенулся и выдернул из заспинного чехла короткое копьё. Со знанием дела юркие тени тут же обступили его со всех сторон.

Доктор вцепился в рукавицу зубами, дернул оголенную ру-

ку в левый карман бушлата, вырвал из него самодельную зажигалку и поднес к пропитанной обмотке у наконечника копыя. “Чирк” – и копые вспыхнуло ярким желтым пучком, раздвинувшим границы синей темноты, в которой суетились оторопевшие черные тени.

– А-а-а! А-р-р! – выкрикнул он, морщась злобно и оголяя белые зубы. Но хищников больше пугало горящее копые, которым человек размахивал неистово, стараясь охватить и “поджечь” всю темноту вокруг.

Убедившись в действенности факела, он попятился, натянул ляжку, и санки скользнули вслед. Так он шагнул несколько раз спиной вперед, ошалело размахивая гудящим пламенем на “палке”, приловчился к неудобной ходьбе и ускорил шаг. Но в пятне факельного света, на самой границе желтого и синего появился молодой волк. Справа еще один преодолел страх света и огня. Значит, решили брать!

– Господи, – прохрипел Доктор дрожащими связками. – Прости меня за все... Сделай как захочешь. Аминь!

У головы над правым плечом воздух шумно дрогнул и метнулось нечто быстрое, и от того неуловимое для глаз. Идущий по правую сторону зверь завалился на бок, заюжил волчком и так истошно завизжал, что лицо Доктора перекопилось гримасой боли больше, чем от чувства неминуемой смерти, которая уже определенно занесла над ним свою цепкую хватку.

Второй волк отстал, смешавшись с темнотой, которая

вблизи света и вовсе почернела.

– Давай я потяну! – Димка! Это был Димка с его луком и стрелами! Он подхватил лямку саней, и пятащийся Доктор, облегченный и воодушевленный, радостно вскричал:

– Димка!

Всего три десятка шагов отделяло их от убежища – полузатонувшего, некогда белого, рыболовного траулера, настолько заржавленного, что даже в ночи он казался сгустком тмени в темноте.

– А вот и ковчег! – прохрипел разгоряченный Димка, когда они добрались до катера. Он гулко бухнул кулаком по железному борту, обернулся и порыскал лучом фонарика в темноте. Волков не было – отстали.

Путники бросили санки на льду, потушили факел, обмотав его тряпкой, и поднялись на палубу по шаткому, брошенному кем-то давно, бревну.

Уставшие и разбитые, они спешно укрылись за герметичными дверями железной рубки, неприступной башней возвышающейся над темной пустотой ледовой равнины.

– Ну... Спасибо, брат, – поблагодарил отдышавшийся Доктор, когда они закрылись на мостике, похожем на изъеденный ржавчиной бункер. – От смерти ты меня спас. Я, уж было, приготовился.

Димка осторожно сел на прогнувшийся скрипучий рундук, усмехнулся и отшутился:

– Это не я, это стрелы, – сидя он снял рюкзак, положил

рядом и откинулся затылком к шершавой облупившейся стене. – Сколько там зверьков, интересно?

– Их четверо было, – уведомил Пришлый. Он уже оценил обстановку с верхней палубы и теперь уютно устроился на уцелевшем мягком лежаке. – Одного убили. А сейчас еще пришли. Пока вы сюда влезали. Штук шесть. Еще штук шесть пришло.

– Теперь их девять... – подсчитал вслух Доктор. Он зажег тусклый фонарик, водрузил его на приборную панель у закрытого фанерой окна и разместился в капитанском кресле с высокой спинкой. Остальные погасили фонари, и “бункер” погрузился в рыжевато-коричневый полумрак. Док устало закрыл глаза и помассировал их пальцами. – Перебить не выйдет. Сколько стрел?

– Семь, – ответил Димка. – Несколько штук могу убить или ранить, но не больше. Устал, руки слабые. Да и стемнело уж почти...

– Ну давай передохнем, восстанавливайся, – ответил Доктор и растер лицо ладонями. Димка полуразлегся на рундуке и привалился плечом к махровой от ржавчины стене, а Пришлый встал и подошел к окну. Он то и дело выглядывал наружу и пытался пересчитать лежащие и стоящие на снегу смутные волчьи тени.

– А мародеры? – вспомнил он о другой опасности. – Не придут за нами? Мародеры могут...

– Могут, – ответил Доктор не открывая глаз. – Иногда бывает. Здесь опасно долго отсиживаться, уж лучше волки...

– Волки съедят! Они хищники! А мародеры... – возмутился Пришлый, но поразмыслив, добавил тихо: – Мародеры тоже.

– Волки попроще, – отозвался Димка. – Они хотя бы делают это быстро.

В рубке воцарилась тишина, такая же ровная и тревожная, какой ровной и тревожной была темнота за окном.

– А что эта... Аномалия? – вернулся к теме предыдущего разговора Пришлый. – Волками не питается? Душами волков не питается? А то съела бы их. Души бы их съела. А мы бы шкуры забрали, и мясо. Забрали бы себе. Я бы взял.

– Не питается она душами, – ответил Доктор. – Ни волчьими, ни человеческими. Страшная она, конечно. Но она ничем не питается.

– Ну а что она тогда? – не успокаивался Пришлый. Он отошел от окна, повернулся к Доктору и притулился плечом к грязной жестяной стене. – Что в ней? Этот-то, как его? Рожу-то вылечил? Морду. Этот, что бабу нашел.

– Вылечил. – ответил Доктор. – Однажды он пришел совершенно здоровым, я даже его не узнал. Чистое лицо такое, довольно красивое. Сам он только переменялся. Но... мог что угодно. Таскал в поселок сгущенку рюкзаками, снаряжение новехонькое, даже снегоходом обзавелся. Завалил свою комнату разными предметами – все новое. Книжек сотни.

Приносил, бросал в беспорядке, и уходил обратно.

– Что ж ему нужно было? – спросил Димка и привстал, чтобы лучше видеть лицо Доктора. – Что он искал?

– Себя... – ответил Доктор. – Эта аномалия, она такая, знаешь... Дает желаемое, без особых условий. Но нужно понять, чего ты, собственно, хочешь. И хотеть этого. А как понять? Сложным он был человеком, непростым. В себе разобраться... Это не просто. Кто ты? Кто такой человек вообще? Что это за мир? Зачем все это? Тут не до желаний становится, если серьезно погрузиться.

– Так оно все давало? – восхитился Пришлый, отчего его глаза выпучились, а лоб покрылся множеством глубоких морщин. – И жратву? Жратву давало? Я бы взял. Я бы целый подвал запасов взял. Огурцы маринованные. Я бы сала взял копченого! Сала! А ты? Я бы жратвы!

Димка кивнул, мечтательно улыбаясь:

– Я бы от сала не отказался, с чесночком и прослоечкой, да? – ответил он Пришлому. – И фруктов свежих, апельсинов или яблок. Иногда аж зубы сводит, так хочется фруктов. Витаминов не хватает, что ли.

– Ладно, – остановил разговор Доктор и встал. – Это бездонная яма. Пустому человеку на куске сала не остановиться, будет жрать, пока не лопнет. А настоящему, глубокому, это все не нужно. Вот он-то может дойти до глубины. Но там он уже будет настолько другим, что... Для нас, как сумасшедший.

Он вышел на верхнюю палубу. Волки разбросались веером вокруг корабля, едва различимые в темноте даже на фоне снежного льда. Говорили, что это особое племя, смешавшееся с собаками. Поэтому они не боялись людей – люди были для них просты и предсказуемы.

Светит! – вскрикнул Пришлый, схватив Димку за рукав и притягивая к себе. – Там свет! Смотри, кто-то есть там! Откуда мы пришли, там есть...

Димка вскочил, подбежал к окну и всмотрелся в темноту:

– Точно! Михалыч!

– Вижу! – ответил встревоженный Доктор. – Это они! Снегоходы!

Димка выбрался на палубу:

– Что делать? Уходить прямо через волчью стаю?

– Нет, не пройдем! – ответил Доктор, стараясь говорить быстро. – Бей, сделай сколько сможешь. Мародеры знают это место, и скоро будут здесь! Мы улизнем другой дорогой.

Димка торопливо снял колчан, воткнул все стрелы в снег возле себя, взял лук и одну из стрел:

– Присветите? – обратился он к Доктору. – Или нас увидят?

– Уже увидели, – ответил Доктор, включил яркий фонарик и обошел лучом пространство вокруг носовой части корабля. Димка выбрал находящуюся ближе всего пару, прицелился и отпустил стрелу, за нею сразу же вторую. Первая стрела вошла лежащему зверю в шею, почти полностью

пройдя ее насквозь. Вторая сбоку пронзила волку грудину. Тот взвизгнул, и обильно окрашивая снег, ошалело засуетился на месте.

Остальные животные повскакивали на лапы и отскочили от корабля, стараясь держаться дальше.

– Теперь будет сложнее, – посетовал Димка и прицелился. Третья стрела воткнулась в снег вплотную возле зверя. Тот рывкнул и бросился в темень, прочь от луча фонарика.

– Ничего, – подбодрил Док.

Димка перевел “взгляд” оружия на следующую цель. Выстрел. Молоко.

Следующий волчок обнаружился за спиной, он лежал боком, довольно близко, и всеобщая суматоха его не коснулась – за кораблем он не видел всего происходящего.

Доктор навел фонарик чуть в сторону, чтоб не спугнуть зверя. Димка прицелился, натянул и, приточнившись, с выдохом сквозь губы отпустил. Стрела рассекла воздух и вошла в брюхо. Волк завизжал, тонко затывкали, мурлыкнул жалостливо и притих.

Следующую жертву нашли не сразу, все звери разбрелись подальше. Димка вычленил из сумерек на краю светового луча блеск глаз и неподвижную тень, удлиненную лучом.

– Ну... – пробормотал Доктор без надежды.

Димка напряг тетиву в пол силы, примерился к цели, выглянул из-за лука, опять прицелился, туго натянул и замер. На том конце прицеливания мишень вильнула головой, глаза

блеснули, и Димка опять выдохнул сквозь крепко стиснутые губы. Волк молча завалился набок, превратившись в неподвижную тень.

– Есть! – тихо воскликнул Доктор.

– Осталась одна стрела, – сказал Димка. – Но все далеко, никого не достану.

– Ладно! Пусть останется как талисман. Надеюсь, теперь эти зверюги побоятся идти за нами. – ответил Доктор. – Попробуем уйти западнее, там скалы, трудно выбраться на берег, и туда никто не ходит. Думаю, и мародеры не пойдут, будут искать нас на обычном пути. Вперед!

Они спустились на нижнюю палубу, приготовили каждый свое оружие, включили налобные фонари и открыли дверь. Волки не приближались. С этого ракурса их даже не было видно. Зато в ночной тишине забормотали моторы – снегоходы приближались.

– Санки потащим тройкой, не гуськом! – скомандовал доктор. Они тихо вышли на лед, озираясь, торопливо выстроились в шеренгу и поволокли сани, по очереди оглядываясь назад и осматривая фланги. Со страху уходили шустро и в лучах их налобных фонариков, выхватывающих из темноты маленькие желтоватые кусочки большого иссиня-черного мира, оставшийся позади корабль тускнел и уменьшался. Пока не исчез вовсе.

Монотонный ритм и темнота окутали их со всех сторон, и не имеющее видимых ориентиров и попутных измене-

ний бегство превратилось в тревожную и тягостную дремоту. О существовании чего-то иного в этой вязкой реальности напоминал только компас, который твердил лишь то, что “знал”. Но и он ощущался как слабый ориентир. В его правдивость можно было только верить, будто он действительно прав, будто он не сломан, и будто существует магнитное поле, управляющее крошечным металлическим ромбиком на светящемся люминофором циферблате. Кусочек железа на острие иглы. Все их жизни на кончике стали, может быть, в одну молекулу толщиной.

Ожидание чего-то ужасного, если подкрашено однообразием, невыносимо. Любая мелочь, даже опасная, лучше однообразия, ибо вкупе с темнотой оно разрушает время. Поэтому странным облегчением для всех стал вскрик Доктора, нарушивший липкую тишину:

– Идут, собаки! – его голос дрогнул разочарованием и отчаянием. – Блестят глаза в темноте. Волки... Их много!

Путники ускорили шаг, хотя и без смысла, и продолжили движение, попеременно бросая подсвеченные фонариками взгляды вперед, вбок и назад. И снова: вперед, вбок, назад. И снова вперед...

– У меня спереди сбоку! – прохрипел Димка. Он шел крайним справа.

– У тебя тоже! Спереди тоже! – выкрикнул Пришлый Доктору, идущему крайним слева.

Передние волки замедлились и от того приблизились, ска-

лясь и рыча в пучке света, которого не боялись. Знали, что свет – это не огонь: запаха нет.

– Санки друг на друга! – отчаянно выкрикнул Доктор команду, и как скоординированные муравьи, они быстро соорудили из поклажи стену для защиты спины. Невысокую, метра в полтора, но стену.

Димка зарядил последнюю стрелу, натянул до скрежета, ожидая повода выстрелить. Доктор, обороняющий крепость с другого края, поджег копьё и выставил в опасную, шевелящуюся темноту, тут же почерневшую рядом с ярким подвижным огнем. Пришлый вжался в стену между спутников и выставил вперед нож:

– Пистолет бы, а? – умоляюще взвизгивал он. – Простой пистолет! Они боятся огнестрела! Боятся выстрелов!

Ночь взорвалась, когда потух факел. Волки бросились разом. Димка прострелил первого, на “автомате” дернул из колчана следующую стрелу – второй волк лег на тело первого, третий свалился и завизжал на краю луча.

Выкрикивая нечто нечленораздельное, Пришлый палил по зверю из пистолета. И попадал – оказался неплохим стрелком.

Доктор, выйдя на шаг вперед, чтоб не задеть товарищей, размахивал копьём как косой.

И внезапно волки отшатнулись, ринулись обратно в темень и в панике разбежались, как от самого страшного волчьего привидения.

Бойцы остановились, все еще напряженные и разгорячие, и вгляделись в ночь и в собственные тени, которым просто неоткуда было взяться. Но тени быстро таяли, потому что за спинами у них росло и увеличивалось нечто более яркое и насыщенное, чем крошечные налобные фонарики.

– Победили, Док? – поразился Пришлый, не замечая изменений в расступающейся ночи. – Сделали? Испугали? Док, мы их испугали!

– Это не мы, – вздохнул Доктор: – Похоже, это она...

– Аномалия! Столб! – догадался Димка и они втроем обернулись: шагах в двадцати от них стоял высокий телеграфный столб с большой деревянной поперечиной, увешанной изоляторами. Столб был обмотан толстым медным проводом, похожим на застывшую змею. Откуда-то изнутри своего состава он так насыщено светился дрожащим голубоватым неоном, что казался подкрашенной стеклянной скульптурой.

На всякий случай добытки обошли стену из санок, защищая ею спины от бежавших волков, и заворуженно уставились на странную аномалию. Ее трепещущий голубовато-лазурный свет источал величие и могущество.

– Ух ты! Аномалия! Столб аномальный! – выпалил Пришлый, попытался сунуть пистолет в карман, но опомнился, ту-по уставился на оружие: – А откуда пистолет? У меня пистолет откуда? Док! У меня пистолет!

– А у меня стрелы, – усмехнулся Димка и пошутил: – Не

подумайте дурного, но я ничего не скрывал, и у меня правда была только одна стрела!

Он снял колчан и бросил на голубой, мерцающий в лучах аномального неона, снег. Колчан был полон.

– Старайтесь ни на чем не концентрироваться, – объяснил доктор. – Столб исполняет желания, но не делает нас людьми. Это мы сами должны...

– Так он исполняет?! Желания исполняет? – перебил его Пришлый. – А как надо? Как загадывать? Мне рюкзак сгущенки. Это он может, Док? Сгущенку может?

– Может, – ответил Доктор, невольно любуясь красотой неона и оранжевым блеском меди.

Пришлый шагнул вперед, поднял лицо к синим лучам, зачем-то снял шапку и попросил:

– Сгущенки. Рюкзак сгущенки. Только побольше, – он неуверенно двинулся еще на полшага, но с глухим стуком запнулся о неровность во льду. – А это что, Док? Тут что-то есть. Ящик какой-то. Тут ящик, Док!

Пришлый счистил ногой хрустящие наледи снега, и они увидели грубый деревянный щит на калиточных петлях. Пришлый открыл ящик, встав на колени:

– Тут погреб! – в «ящике» оказался продовольственный подвал с банками огурцов, помидоров, коробками и бочонками со снедью. Подвал освещался лучами столба прямо сквозь лед или крышу, если она была, и казался призрачной голограммой.

– Пришлый, подожди, здесь не может быть погребца! Ты должен понять одну вещь! – попытался его остановить Доктор, но Пришлый уже скользнул по лесенке, и поглядывая на друзей снизу-вверх, с хохотом и азартом принялся осматривать и обнюхивать трофеи.

– Водка! Док, здесь водка! – он выхватил откуда-то из-под нижней полки бутылку водки, лихорадочно ее распечатал и давясь и обливаясь, влил в себя не меньше половины. Потом поскрежетал ножом и вскрыл банку кабачковой икры, сунул в нее грязную руку вместо ложки и жадно облизал пальцы. Закусив и пошатываясь от усталости, волнения и водки, достал откуда-то сигареты, закурил, уселся прямо на пол и задрал голову к друзьям:

– Док! Аномалия работает! Исполнитель желаний! – он бегло оглядел подвал. – Этот подвал... Очень большой! Док! Подвал просто бесконечный!

Он быстро встал, всмотрелся в видные только ему пространства, затем обернулся, и пристально и мрачно посмотрел на лица друзей, напряженно о чем-то размышляя.

– Док! А это мое? – спросил он у Доктора настолько серьезно, что даже морщины разгладились на его непривычно неоскаленном лице. – Это мой “заказ”? Мой подвал?

– Твой! – ответил Доктор. Он встал на колени и свесился над проемом люка, чтобы лучше рассмотреть лицо Пришлого, окутанное клубами сигаретного дыма. – Но подожди, Пришлый! Я помогу тебе, выслушай только!

Пришлый шустро взобрался по лестнице, схватился за внутреннюю ручку люка, чтобы закрыть ее. Но Доктор уперся в край дверцы своей рукой:

– Пришлый! Ты пойми! Ты утонешь в этих желаниях навсегда! – Доктор схватил Пришлого за плечо. – Если утонешь – наступит темнота, ты просто ослепнешь как труп!

Пришлый оскалился, схватил правой рукой Доктора за ворот:

– Док! Мне помощь не нужна! С каких это пор кому-то нужны... – он всмотрелся в лицо Доктора и вскрикнул: – Лишние рты!

С этими словами он оттолкнул Доктора и громко захлопнул за собой свой люк, подняв клубы пыли, неуловимо пахнущие кориандром и укропным семенем.

Димка помог Доктору подняться, и дернул ручку люка. Дверца поддалась и открылась: под нею лежал лишь оплывший снежный лед. Удивленный Димка посмотрел на Доктора.

– Это бесполезно, – ответил Доктор устало и уселся на снег. – Я хотел его предупредить... Одно дело – поверить и получить желаемое, тут аномалия поможет. А другое дело – не обожраться до смерти. С ума не сойти от ненасытности...

– И где он теперь? – перебил Димка торопливо. – Он умер?

– Я... не знаю, – ответил Доктор. – Но человеком ему не быть. В любом случае.

Димка еще раз открыл люк – только снег и лед.

– Забудь о нем. Дай ему уйти, куда он жаждет, – пояснил Доктор. Покряхтывая, он медленно поднялся, снял рукавицы, бросил их под ноги и растер изможденное осунувшееся лицо. – Эта штука имитирует реальность. Чтобы она работала, надо отвернуться. Никаких чудес, все должно быть правдоподобно. Отвернемся, и люк исчезнет.

Обняв Димку за плечо и увлекая за собою, он отвернулся и взгляделся в блеск меди. Провод замысловато обвивал столб и его перекрестье и из-за красноватого медного свечения был похож на живую пульсирующую вену.

– Ну что ж, – сказал Доктор и взглянул на люк – люка больше не было – только уплотненный оттепелями снег на темном льду. – Пришлый ушел. Утонул в достижимых желаниях.

– Как его спасти? – растерянно спросил Димка.

– Спасти? – удивился Доктор. – А он хочет? Как думаешь? Нельзя спасти человека против его воли. Можно вытащить тонущее тело, но нельзя спасти душу. Только свою. Свободная воля...

Димка счистил ногой голубоватый снег с места, на котором только что лежала коробка с подвальным люком. Взглянул на светящийся переливами столб, похожий на зазывающую рекламу в ночном мегаполисе, и отвернулся к санкам, все еще возвышающемся волчьей крепостью на краю сумерек:

– Волки не вернуться? – спросил он, стараясь заинтересовать Михалыча..

– Не думаю, – ответил Михалыч, но тоже отвернулся к санкам, крутнувшись в полоборота. Неужели эта крошечная стена могла удержать их на кончике иглы, может быть, на острие толщиной в одну молекулу?

Тем временем Димка уже вернулся к столбу, шагнул в его странную лазурь и счистил снег со взявшегося ниоткуда фанерного ящичка с трафарентной надписью «Фрукты ассорти».

– Дима! – тревожно выкрикнул Доктор. – Подожди!

Димка открыл ящик – груши, яблоки, орехи... Морозный воздух тут же нащипал из фруктов “съедобных” ароматов и щедро напитал ими окружающее пространство.

– Да я понял, Михалыч, – пошутил Димка и взял крупный мандарин. – В ящик не полезу.

Он уселся на край ящичка, очистил мандарин, и безуспешно предложив Доктору, вгрызся в сочную мякоть.

– Вкуснотища! – промямлил он с шуточным стоном. – А ты почему ничего не “заказываешь”?

– Я не хочу ничего, – ответил Доктор. – Я научился контролировать свои желания. И научился не хотеть.

Димка, не переставая жевать, указал Доктору под ноги:

– Ну, хотя бы это возьми.

Доктор нагнулся и поднял тонкий квадратик – старая черно-белая фотография, поднес ее к глазам и наклонил к свету:

– Хм... – хрипнул он неожиданно дрогнувшим голосом. – Это жена моя. Верочка... Это еще-е... Давно...

– Теперь ты вспомнишь ее лицо, – улыбнулся Димка и достал из ящика гроздь мускатного винограда.

Доктор спрятал фотографию куда-то во внутренний карман и предупредил:

– Много не бери. Особенно для себя. – Он поднял брошенную под ноги мандариновую корку, с наслаждением внюхался и бережно положил обратно в ящик: – Он даст еще, когда будет нужно. Так ты останешься человеком и не выпустишь на волю свое внутреннее животное. Слепого хищника, как говорил Призрак.

Димка сунул в вещмешок несколько вкусняшек, туго завязал, набросил на плечи:

– Это для сестренки, для мелкой, – отчитался он. – А остальное исчезнет?

– Если твое сердце легко со всем этим распрощается, то исчезнет. – объяснил Доктор. – Но, если сердце тяжелое, то не исчезнет, и ты застрянешь на потребительстве. Начнешь охотиться за сокровищами и забуришься в свой погреб, как Пришлый.

– Странное место, – повел плечами Димка, опустил руку с апельсином в пустой карман и тут же вынул лимон, кисло скривился, “чирком” меж зубов сплюнул на снег и сунул руку обратно. Карман остался пустым.

– Да... Весь мир такой, – ответил Доктор. – Это, знаешь

ли, мир исполняющихся желаний и опасений. Что победит, то и твое. Вот мы все так и живем... В мечтах и страхах.

Не сговариваясь, они вернулись к краю освещенной аномальным столбом “поляны”, к своей крепости из саней, разобрали ее и впряглись каждый в свою тягу. Полюбовавшись напоследок необычным источником света и желанных благ, они отправились в путь, в ту темень, которая простиралась за пределами этого огромного неонового пятна. Туда, где цели труднодоступны, а подвалы не буквальные и не очевидны – домой.

Санки Пришлого оставили вместо надгробия.

Через час они уже так далеко ушли от столба и его почти дневного света, что казалось, будто все недавние события канули в прошлое, но тихое стрекотание снегоходов, влившееся в звуки ночи и напоминающее трель стоматологической бор-машинки, вернуло их к неприятной реальности. Мародеры были где-то очень близко.

– Метров пятьсот! Ложись! – хриплым шепотом скомандовал Доктор, потушил фонарик и упал на лед, прячась за санями. – Ложись вдоль санок, может не увидят!

Рычание моторов, тревожное и настойчивое, усиливалось и разъединялось на несколько “голосов”: мародеры быстро приближались. Вот в потоке звуков послышались и человеческие голоса, выкрики, потом волчий вой и стрекотанье автоматной очереди. Один из снегоходов взвыл и заглох, послышался скулеж раненого волка, выстрелы дробовика. По-

хоже, мародеры наткнулись на ту самую стаю волков.

Через несколько минут все стихло, еще какое-то время устало бормотал только один из снегоходов, но вскоре вздрогнул, и, будто захлебнувшись, замолчал. Опять раздался волчий вой, и мир снова задремал, окутавшись ночной безветренной тишиной.

Доктор прислушался еще – никого. Только странное “шебуршенье” с Димкиной стороны, шорох, потом неприятный звук трескающихся человеческих костей и жадное чавканье.

– Димка! – Доктор с воплем вскочил на ноги, на ходу щелкнув фонариком и выставляя в Димкину сторону острие копья: волки уже разодрали бедного паренька в клочья, должно быть!

– Михалыч! – Димка удивленно уставился на Доктора. Он сидел на санках и грыз орехи, раздавливая их друг о друга. – Ты чего?

– Я думал... Ё-моё! – Доктор выронил копьё, снова схватился за сердце, согнулся стариком и отчаянно хлопнул себя по коленке свободной рукой. – Ты сидел здесь? Ты не спрятался! Нам повезло, что тебя не заметили! А я думал, ты погиб! Слышу – кости трещат...

Он уселся на свои санки и едва слышно, но неудержимо расхохотался, раскачиваясь то вперед, то назад и похлопывая себя по коленям теперь уже обеими руками.

Заразительный его смех передался и Димке, и тот тоже рассмеялся и раскачался на своем “сиденье”.

– Ко... Ко..! Ко-сти! – заливался он, стараясь сдерживаться, отчего его смех звучал как хруст ледовой крошки под ботинками.

Когда они успокоились, к Доктору вернулась прежняя рассудительность:

– Я так устал. Не соображаю ничего, – он выключил фонарик и обернулся в темноту, туда, где совсем недавно волки сражались с людьми. – Волки совсем рядом.

– А чего нам бояться? – ответил Димка беззаботно, вынул из кармана спелую грушу и протянул Доктору. – Сергей Михалыч, здесь не надо бояться, раз тут такая аномалия. Мы же сейчас все можем! Например, натравить на мародеров волчью стаю.

Он подмигнул Доктору и снова негромко заскрипел вместо смеха.

– Ты что, натравил... стаю? – удивленный Доктор сдвинул шапку на затылок.

– Ну... Тут же желания исполняются, сам говорил. И вот, такое мое желание. И, да! Орехов еще погрызть, говорят, в них йоду много, вроде полезно.

– Ну ты... – Доктор откусил грушу и спелый сок брызнул на пальцы. Он удовлетворенно крякнул и с аппетитом, причмокивая и сопя, принялся поедать угощение.

– А интересно, – Димка покончил с орехами и заскучал. – Что это там за статуи? Похожи на людей.

Доктор поднялся, на всякий случай подхватил копье, и

всмотрелся в темноту: черная линия горизонта вздрагивала на фоне фиолетового неба и выгибалась неправильными неровностями, если присмотреться, издали похожими на человекоподобные изваяния.

– Да это... – Доктор недоуменно сомкнул брови. – Не понимаю! Это лед торчит: вспучивался при усадке, вот у берега и выдавило так причудливо. Только до этого берега... километра четыре еще, не меньше. Как же мы здесь... оказались?

Димка равнодушно мотнул головой, быстро встал и взялся за ляжку санок:

– Ну, раз уже берег, так пойдем, до дома, значит, недалеко, – он перекинул ляжку через плечо и легко потащил свою долю электроактивных металлов домой.

Пораженный Доктор, медленно, будто парализованный своим напряженным размышлением, впрягся в тягло, замер, надавил натертыми до боли плечами на ляжку и, подумав еще, натужно двинулся в темноту вслед за Димкой.

Вскоре они вплотную подошли к вздыбленной ледовой кромке, отделяющей озеро от обрывистого берега. Стекловидные осколки громоздились вдоль берега и напоминали обломки разрушенного города со сколовшимися стенами, проломленными крышами и одинокими уцелевшими многоэтажками, издали удивительно напоминающими человеческие фигуры.

– Все-таки эти льдины так похожи на людей, – сказал Димка, и добавил с улыбкой: – Аж жутковато как-то...

– Говорят, это призраки тех, кто не смог отсюда выбраться. Эдакие соляные столпы. Выдумки, конечно, но в этом месте всегда как-то не по себе, – ответил Доктор, с опаской озираясь и все еще крепко сжимая древко копья.

Они встали посреди этого “кладбища” и неторопливо огляделись.

– Смотри! – показал Димка. – Вон тот похож на Пришлого!

– Ага... Что-то есть! – вовлекся в игру Доктор. – А вон та фигурка... Видишь? Женская. Напоминает мою жену... Сразу заметил.

Он двинулся было в сторону “статуи”, чтобы получше ее разглядеть, но остановился: сложная извилистая тропа, по которой редкие добытчики–одиночки вроде Призрака пробирались к берегу сквозь куски льда пролегалла не здесь. Здесь же напрямую, да еще и с санками, не пробиться.

Но Димка, проследив за его взглядом, без раздумий сунулся в сторону докторовой “жены”, и не особо лавируя между льдин, проложил новую тропу, почти идеально ровную, простую и проходящую аккурат мимо нужной “статуи”. Оказывается, здесь можно пройти, если быть внимательным. Или...

Доктор двинулся за ним и возле той, что была похожа на его жену, остановился, вынул фотографию и вставил в одну из глубоких трещин. Сквозь лед виднелось красивое женское лицо.

– Вера... – Проробормотал он и погладил варезкой кусок льда. – Как же давно я тебя потерял...

Выбравшись на скалистый берег, они остановились для отдыха в самой высокой его точке и уселись на санки. Огромное плоское озеро, как целый необъятный мир, простиралось перед ними, упираясь дальним берегом в недостижимый черный горизонт.

– Ну вот... Слава Богу, – сказал Доктор. – Выбрались. Здесь аномалия уже не действует. На этом месте Призрак частенько делал передышку, от аномалии отдыхал. Отсюда ведь мало кто выбирается.

– А что он, кстати, – вспомнил Димка о легендарном Призраке. – Так и “утонул”?

– Я слышал, что некоторые ходят к нему за советом и помощью, – ответил Доктор. – Он прошел через очень тяжелые испытания, все истину искал. В конце концов пришел в мирное состояние, так сказать. Теперь умеет и без столба все это чудотворить, но не чудотворит – не нужно ему ничего. Так вот, он говорит, что в реальности есть только одна аномалия, и эта аномалия человек. Каждый из нас. Мы можем получить что-угодно. Но... Если считаем это правдой.

Димка похлопал рукавицами друг о друга чтобы согреть озябшие руки:

– Что значит “правдой”?

– Правда – это вера. Когда веришь железобетонно. И больше того: и совесть там, и справедливость, и ум, и вера. Од-

ним словом – правда. Как будто внутри нас есть праведный человек, вот он и получает желаемое без всякого лукавства. Если мы его, конечно, не заглушим своей шкурностью.

Они замолчали и всмотрелись в даль, туда, где ледовое озеро соединялось с ледяным небом. Где-то далеко в этих невнятных синевато-серых просторах яркой звездой вспыхнула неоновая точка.

– Столб! – угадал Доктор. – Кто-то решил срезать путь, и пошел по озеру!

– Прибавка в семействе соляных столпов? – Пошутил Димка.

– Может быть, – ответил Доктор. Он стащил рюкзак, поставил его на снег между своих унт, оперся локтями о колени, свесив руки, и затих, устало и понуро уставившись под ноги. Наконец, снял рукавицы, развязал горловину вещмешка и тягостно вздохнул. – У меня тут еще луковица должна была остаться... Будешь? Не картошечка в мундирах, конечно... Но, тоже еда.

– Давай! – Димка тоже сбросил рукавицы, уселся поудобнее, развернувшись к Михалычу и достал из пустого кармана... большую “дымящуюся” картофелину в мундире. – Картошечки горяченькой с лучком! То, что надо!

Удивленный Доктор отшатнулся, ногой опрокинув свой рюкзак, и замер, уставившись на картошку:

– Ё1-мое! – он перевел взгляд на Димку, но тот только простодушно улыбнулся и принялся счищать тонкую кожи-

цу.

– Но ведь... Аномалия... – от удивления Док не мог подобрать слов. – Здесь не ра-бо-та-ет!

– Да? – переспросил Димка с улыбкой и протянул Доктору очищенную картофелину. – Так ведь, человек – главная аномалия. Держи, а то горячая.

Доктор принял угощение, внимательно и изумленно оглядел со всех сторон, будто выискивая изъян, и откусил кусочек горячей крахмалистой картошки.

– Неужели... – пробормотал он сам себе, прожевав. – И вправду можно поверить, и получить?

Но Димка только улыбался набитым ртом и с аппетитом, который бывает только у молодых, взявшихся за тяжелую работу, пережевывал горячий ранний завтрак с запахом кориандра и укропных семян.

Начиналось раннее летнее утро и где-то в стратосфере тускло засияли облака пыльной взвеси, освещенные медно-рыжими лучами солнца. Скоро смягчится летний мороз, начнется день и люди проснутся в своих подземках. Целый мир людей, которые прошли войну и таятся в сырых щелях Ядерной зимы, потому что все они верили, что так и должно быть. И так было.